

10 КРУГОЗОР 70

Галина ШЕРГОВА

ВЕЧНЫЙ ВОЗРАСТ

*«Чтобы когда-то внуки
завидовали нам!»
Слушайте песню-репортаж
о Комсомольске-на-Амуре.*

Фото
В. Селезнева (Москва),
П. Суровцева и
Г. Хренова
(Комсомольск-на-Амуре).

ПОСЛЕСЛОВИЕ К ФИЛЬМУ

— Вот здесь будет фонтан, — сказал комсомольский вожак Са-зоков и показал на пеня.

Не знаю, представила ли в тот момент героиня фильма Наташа Соловьева, как над неквазстой корягой разметались застращине, рвщепленные светом струи. Но зрителям киноленты «Комсо-мольск» выпала завидная удача увидеть, как бесплотный каркас мечты обшивался плотью реаль-ности.

Рассказ о рождении города был зримым доказательством комсо-мольской аксиомы о том, что меч-ту и реальность соединяет упру-гая прямая мужества и труда.

Недаром режиссер фильма Сер-гей Герасимов, приехавший через год после первого посещения стройки на Амур для натурных съемок, написал: «Город далеко обогнал мои рассказы, многих мест я просто не узнал... Мы вынуждены были частично вос-становить знаменитый «копай-город», шалвные улицы первых дней Комсомольска».

А начиналось все и вправду с шалашей, с «копай-города».

Этому фильму предислал эпиграф: «В 1932 году правительство СССР приняло решение о создании на берегах Амура города обороны. Партия большевиков подняла на строительство города своих боевых помощников, славных сынов Ленинского комсомола. Будущему городу было присвоено имя Комсомольск».

Мало кто из современников-сограждан видел это сотворение города: далеко. Они знали о нем по газетам.

Сегодняшней молодежи трудно представить истоки: давно. Они читают об этом в книгах и узнают из старых кинолент.

Но, видимо, нет более высокого призвания у искусства, чем своим образным языком изложить неподкупность правды факта. Стать документом, чья неопровержимость поднята эмоцией.

Если кто-то ныне листает газеты времен первых пятилеток, он непременно прочтет строки письма Вали Хетагуровой и ее подруг, зовущие: «Девушки, приезжайте на Дальний Восток!». То-

гда это письмо стучалось в каждый дом. И, может быть, не совсем так писалось оно, но миллионы людей верили и верят, что сцена фильма, где Наташа Соловьева с подругами пишет такое же обращение, почти документальна.

И детали быта первостроителей (муж Наташа держит над ней, сиящей, тарелку, чтобы вода с потолка землянки не капала на лицо), и страсти, бушующие на берегу Амура (побеги малодушных и противоборство им энтузиазма честности), — все живое и воскресающее заново перед нами.

И таким своим, кровным было для всей советской комсомолки это сотворение города, что и создание фильма стало поистине «внестудийным» делом. Сценарий широко обсуждался в прессе. А когда было решено часть натур снимать в Ленинграде, комсомольцы города не только участвовали в массовых сценах, но и строили наливной канал на Неве — близнец того, что строили их сверстники на Амуре. Да и сами члены съемочной группы, приехав в Комсомольск, работали

на стройке, там, где трудились их герои, чьи образы и дела им предстояло увековечить на экране.

Время гасит даже память. Так способен ли слабый луч кинопроектора осветить плотную толщу годов? Способен. Все так же перед глазами новой молодости, возводящей Братск и Усть-Илим, горит светлая вереница первых огней Амура.

С. Герасимов писал, что ему хотелось в этом фильме «показать свое время, увидеть его, разглядеть и показать его так, чтобы зрители с гордостью узнали себя с лучшей стороны и устыдились бы своего худшего».

Рассматривайте старые кадры, разглядывайте время. А еще — вслушайтесь в голоса времени. На первой звуковой странице говорят не герои фильма, а прообразы экранных персонажей. Они строили Комсомольск, они знают его сегодняшним.

Слушайте. Вы почувствуете, как город этот наделен заманчивой участью: никогда не выходить из комсомольского возраста.

Кадры из фильма «Комсомольск».

Монумент основателям Комсомольска.

Площадь имени В. И. Ленина.

Камень на набережной Амура в память первых.

Первостроители Комсомольска.

Песня — вневечный спутник человека. Еще дитя не научилось говорить, но над его колыбелью звучит песня. Собрались друзья отметить радостное событие — раздается объединяющая их чувства застольная. И в день, когда двое соединяются для совместной жизни, на пиру льются свадебные песни. И когда жизнь человека завершена, в последний путь провожает его траурный марш. А история знает и трудовые песни, делающие слитными рабочие усилия людей, и боевые песни, которые со времен седой древности придавали людям храбрость в сражениях.

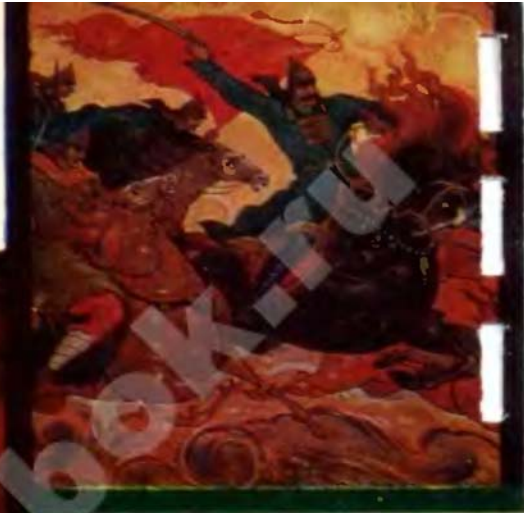
Советское время, невиданно динамичное, разворотившее до основания весь уклад жизни миллионов людей, естественно, породило новую, советскую песню всех ειδов и жанров. От непроизвольно возникающей на сельской гулянке частушки до песни, написанных большими композиторами на слова больших поэтов, простираются горизонты советской песни.

И во все периоды — от времен гражданской войны до нынешних дней — яркое гражданское чувство преобладало в песнях, которые полюбилились народу, были приняты им как выражение движений его души.

Мы знаем яркие гражданские песни-плакаты, такие, как «Широка страна моя родная», «Священная война», «Песня о Днепре», «Дороги». В них звучит сильная патриотическая любовь человека к советской земле, его готовность украсить Родину трудом, защитить от врага боевым оружием.

«Конармейская».

«Орленом».

песня
идет
в
наступление

«Полюшко-поле».

«Играй, мой баян».

«Дай приказ ему на запад».

«По долнам и по взгорьям».

5

Но есть много особенно любимых народом песен, в которых естественно сливаются в один поток чувства гражданские и личные. Так, а возникшей в годы гражданской войны песне юный боец просит: «Ты, конек вороной, передай, дорогой, что я честно погиб за рабочих».

В межвоенные тридцатые годы, когда особенно пышно расцвел жанр массовой и эстрадной песни, композиторами Дунаевским, Захаровым, Блантером, Хренниковым, братьями Покрасс и другими на слова советских поэтов было создано много отличных, еще и до сих пор не постаревших песен, в которых слиты воедино индивидуальное и гражданское начала. Достаточно назвать «Катюшу», написанную Блантером на слова Исаковского (песню, по которой назвали один из самых грозных видов советского оружия), чтобы представить себе, как в хорошей песне может сочетаться личное, лирическое с патриотическим, гражданским. А возникшие в годы войны «Темная ночь», «В землянке», «Огонек», «Жди меня»!.. Здесь «чистая» лирика стала средством закалки души воюющего человека.

И после войны написано много хороших песен, принятых памятью и сердцем миллионов людей. Их создателям было на что опереться — на богатую традицию, сложившуюся в советском песенном творчестве, на весь героический путь массовой советской песни.

Алексей СУРКОВ

Рисунки художников-палешан К. Семайкина, Н. Маллини, Т. Мизнинова, А. Гордеева, А. Смирнова.

— Как твоя фамилия?
— Подюшко.
— А твоя?
— Подюшко.
— Ну, а ты, мальчик, тоже Подюшко?
— Да...

Слушайте вторую звуковую страницу.

...Остановился человек посреди поля и, наклонясь, зачерпнул со свежей борозды горсть серых рассыпающихся комочков.

— Земля!

Теплая, она струится сквозь пальцы — течет, течет... Земля любит человеческую ладонь — тяжелую от тяжести плуга, легкую от ласки к ней.

Так женщина любит ладонь мужа,

Полюшкино...

...Деревня Полюшкино расположена в Черниговской области, недалеко от Новгорода-Северского, между черными границами России, Украины и Белоруссии.

Станала земля под фашистским сапогом, Полюшкино, Рядом — Чайкино. И еще рядом — Шептаки. Мужчины ушли на фронт. Старики, женщины и дети — в леса.

Воевали все, в ком билось честное сердце.

ПОЛЮШКИНО

Дамир БЕЛОВ,
Евгений СИНИЦЫН,
специальные корреспонденты
«Кругозора»

Страдное поле.
Полюшкины.
Онолиця.
В хлебные закрома.
Фото Л. Лазарева

А земля?

Четыре года не рождались здесь дети.

Четыре года не шумели на ней хлеба — будто вымерла она.

И когда страна праздновала Победу, Полюшкино стояло среди неостывшего пепла. Ни кола, ни двора. Только светлели березы, чувствуя мирную весну...

Земля тосковала по семенам, снились ей добрые всходы и сильные руки. А на горьком пепелище — старики, дети. Да еще женщины.

Я и лошадь, я и бык,

Я и баба и мужик...

Полюшкино, Чайкино, Шептаки...

Земля этих деревень, замешанная на песке и глине, всегда была трудной. Неподатливая, скупая. Но люди по доброте своей уважали ее. И, словно на свадьбу, украшали. И гордились ею — свободной, отданной навеки в крестьянские руки. Старики помнят богатые довоенные урожаи, помнят, как поднялся их колхоз.

Но вот «я и лошадь, я и бык...». То ли песня, то ли стон. Грустная исповедь женщин, на чью долю выпало не одно лихолетье, кто и ребят растил до крутых мужских плеч, и землю поднимал крутою стеной пшеницы, и одиноко слушал вой зимнего ветра.

Ранили Полюшкино...

Четверть века не заживала рана.

У других зажила она раньше, другие деревни и села раньше, чем Полюшкино, справились от беды — просто потому, что разные бывают раны. Все — большие, тяжелые, саднящие. Но — разные...

Полюшкино. Полюшко-поле...

Выросли дети солдат. Растут внуки.

Красивые женщины, повязав головы яркими платками, идут на рассвете в поле, и, когда ветер колышет всходы, кажутся, что поле улыбается, как может улыбаться только поле, открытое ясному небу...

Загорелые лица мужчин и строги, и добры, и спокойны.

Урожай набирает силу. Твой урожай, победившее Полюшкино...

Бегают ребятки по улицам — веселые крепыши, крестьянские дети семидесятого года. Сегодня в клуб привозут кино со странным и таинственным названием: «Бомбы и объятиях ночи»...

А в глубине комодов лежат, все еще лежат похоронки — желтые, как осенние листья.

Если собрать их вместе, будет целый ворох...

Черниговская область

ДИЛИЖАН

«Если спросите меня, где на нашей планете можно встретить больше всего чудес, я назвал бы первой Армению», — сказал Рокуэлл Кент, покидая Дилижан.

Дилижан — маленький городок, уютно помещившийся в лесистом ущелье на высоте 1500 метров. Он притягивает к себе прозрачным воздухом, напорным солнцем и дышащим сосны, сказочным озером Паралич и говорливой речушкой Агарчинкой, архитектурными ансамблями средневековья, медвежьими тропами и птичьими трелями уникального заповедника, янтарными плодами груш и целебной минеральной водой.

Красоту Дилижана описывал Максим Горький. Мартирос Сарьян подарил местной галерее несколько своих полотен. Майя Плисецкая учила танцевать здешнюю детвору. Дмитрий Шостакович написал в Дилижане два квартета. Английский композитор Бенджамин Бриттен создал здесь вокальный цикл «Эхо поэта» на стихи Пушкина.

Бриттен с улыбкой рассказывал тогда, как недоумевали английские журналисты, узнав, что он решил провести лето в каком-то там... и выговорить не могли: Ди-ли-жан-се, что ли? «Между тем, — говорил Бриттен, — редко встретишь ка

Латышская Юрмала далеко от армянского городка Дилижана, но есть между этими местами общее: они издавна притягивают к себе писателей, поэтов и музыкантов...

Дилижан и Юрмала встречаются на шестой звуковой странице в новых ясных Александры Пахмутовой, которая представляет их слушателям.

Фото
Я. Тихонова (Рига)
и Б. Круцио (Москва)

ДВА АДРЕСА ПАРНЯСА

землю такие торжественные, такие величественные и вместе с тем таинственные места...» Композиторы и музыканты в один голос говорят: здесь надо устраивать праздники искусства. Известный английский тенор Питер Пирс, Мстислав Ростропович и Галина Вишневская — все, кто побывал в Дилижане, говорили: хотели бы приехать сюда вновь...

Арсен КАКОСЯН

ЮРМАЛА

Юрмала значит «взморье». На 36 километров протянулся этот курорт вдоль Рижского залива. В нем живет всего пятьдесят тысяч человек. Плюс шесть миллионов гостей.

Юрмала — старый курорт. Когда-то здесь отдыхали русские офицеры — участники войны 1812 года. Фельдмаршал Барклай де Толли построил в Юрмале дачу. Сюда приезжали Гончаров и Горький. Писарев и Райнис, многие советские писатели, художники и композиторы. Константин Паустовский работал здесь над «Золотой рогой», а Борис Пастернак записал в книге отзывов: «Будь и король, своей постоянной резиденцией я избрал бы Дом творчества в Дубулты».

Юрмала — одна из лучших наших лечебниц. Здесь лечат не одни врачи — климат, море, сосновый бор. И во все времена года хороша Юрмала — сверкающей весной, теплым летом, золотой осенью и даже зимой, когда ветер с моря нагромождает у берега ледяные торосы...

Лидия БАЛГАВЕ

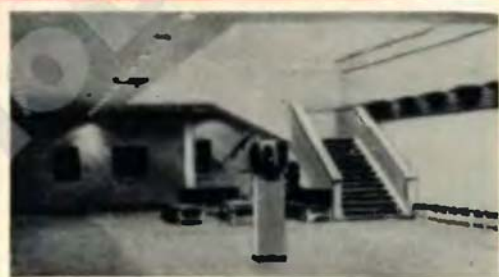

С. Петронайтис в «Манбете».

Главный режиссер паневежисского театра Ю. Мильтинис.

Сцена из спектакля «Изабелла».

Фойе театра.

Слава этого театра выходит за пределы Паневежиса и даже за пределы Литвы. Когда в Паневежисе бывают премьеры, приезжают зрители не только из Вильнюса или из соседних городов, но и из Латвии, Эстонии, Белоруссии.

...В паневежисском театре антеры не выходят кланяться на аплодисменты. Здесь считается, что это разрушает впечатление, оставленное спектаклем. Ибо, когда опускается занавес, жизнь персонажа окончена. И тогда уже на сцену может выйти только актер. Кстати, как бы вы далеко ни жили от Литвы, многих антеров паневежисского театра вы тоже знаете: они снимались в кино. Это Бабнаускас, Банюнис, Бледис, Масюлис...

В актерском коллективе нет ни одного человека, который бы заканчивал театральный институт или студию в каком-нибудь другом городе. Все антеры с первых шагов работали у режиссера Юозаса Мильтиниса, все его ученики. И вот результат: в театре небольшого города один народный артист республики, четыре заслуженных артиста республики, один заслуженный деятель искусств.

И сейчас любой может прийти к Мильтинису «попробоваться». При паневежисском театре существует возглавляемая Мильтинисом студия, занятия в которой ведут антеры. И если режиссер разглядит в новичке хоть намек на способности (на волнение делается снисходка), он разрешает заниматься. «Не знаю, будешь ли ты антером, — гарантию Мильтинис не дает, — если хочешь пробовать, рисовать, тан риснуть».

Я не могу сказать о себе, как это могут сказать другие, что с юности мечтал о сцене. Помню, когда я заканчивал начальную школу, а жил и в глубокой провинции, нам пообещали: «Кто получит хорошие отметки, того поведем в Каунас, покажем музеи и театр». Что такое театр, я тогда не знал.

Первым спектаклем, который я увидел, был «Воспитатель Флакман» немецкого драматурга Отто Эрнста. Мне показалось, актерам легко живется: ходят по сцене, целуются, разговаривают, смеются — разве это трудная работа?

Позже мне самому пришлось играть в этой пьесе, но тогда я уже знал, что зрителем быть намного легче.

Во второй раз я услышал о театре, когда мне было шестнадцать лет. Я работал в Каунасе на фармацевтическом складе. Кто-то мне рассказывал, что Юозас Мильтинис организовал при Дворце труда студию для рабочих. Я выучил стихотворение и пришел к Мильтинису. В то же время начали у него заниматься Бледис, Виткус. Банюнис пришел несколько позднее. Мильтинис принял меня условно: наверное, я очень плохо читал. Он сказал, чтобы я приходил на занятия в субботу и воскресенье. И тут я чуть было все не погубил. Я сказал, что не могу прийти в субботу.

— Почему? — спросил Мильтинис.

— Потому что в субботу я договорился идти на танцы...

— Ну что ж, иди на танцы, но ко мне больше, пожалуйста, не приходи.

Е. Шульгайте и Д. Баннионис в «Гедде Габлер».

Г. Карка
в «Поднятой
целине».

Б. Бабкаускас
в «Смерть
Коммьюра».

БОЛЬШАЯ СЦЕНА МАЛЕНЬКОГО ГОРОДА

Он был очень требователен, Мильтинис, с самых первых шагов. У нас были уроки художественного чтения, сценнческой пластики, мы занимались историей театра, хотя даже и не мечтали о том, что станем профессионалами. И я могу сказать, что если бы не Советская власть, нашего театра таким, каким он стал сейчас, просто не было бы.

В сороковом году, когда Литва стала советской, мы все смогли уйти с работы и начать серьезно заниматься. Через полгода в каунасском театре мы сдали экзамены, и нам предложили поехать в Паневежис — создать там театр.

15 марта 1941 года у нас состоялась премьера «Пади серебряной» Погодина. Это был спектакль на грани пограничничков, и Мильтинис играл в нем главную роль. 15 марта решалась наша судьба: быть театру или не быть? Но все прошло хорошо, и пресса даже писала, что в этом новом театре есть действительно что-то новое.

Театр был молодой, и я думаю, что именно поэтому нам многое пришлось прощальное. Помню, например, в спектакле «Генрих IV» Пиранделло я играл 55-летнего психиатра. Когда я сейчас перечитываю пьесу, меня берет оторопь — это такой глубокий, такой интеллектуальный образ. Как я мог его воссоздать? Хотя тогда и писали, что я сыграл неплохо.

Был и такой случай. В спектакле «Денежки» Кимонгайте-Чюрленене я играл художника. И вот я сделал себе длинные, до плеч волосы. Мильтинис посмотрел и сказал: «Если будете так работать, не говорите, что я ваш учитель».

Он всегда был против чисто внешнего рисунка. Ему всегда важен образ мышления героя. Повторю основные требования к нам, актерам, — не играть, жить на сцене. Для этого прежде всего нужно суметь понять свою роль, то есть другого человека, не унизить его.

В Паневежисе мы даем спектакли всего три дня в неделю — я пятницу, субботу и воскресенье. Один день выходной, а все остальное время занимают репетиции и гастроль. Выезжаем же мы чаще всего в деревню. Когда мы раньше вывозили серьезные, интеллектуальные пьесы, народу собиралось мало. Многие хотели видеть в театре развлечение. Но мы отстаивали свой принцип: сцена должна быть думающей. Произведения искусства должны помогать человеку понять, для чего он живет. Сегодня на самые серьезные спектакли приходит все больше и больше народу.

Мы даем около трехсот пятидесяти спектаклей в год. У нас уже больше сть постановок, но я считаю нашими коронными — «Макбет» Шекспира, «Франк V» Дюрренматта и «Там, за дверью» Борхерта.

Бронюс БАБКАУСКАС,
народный артист Литовской ССР

Репетицию пьесы Борхерта «Там, за дверью» с комментариями Бронюса Бабкаускаса вы услышите на седьмой звуковой странице.

Фото
Н. Г н и с ю к а (Москва) и К. В и т и у с а (Паневежис).

«Мой соотечественник Франсуа Одине шел с проводником более суток по запутанным лабиринтам и был вынужден остановиться из-за недостатка пищи и воздуха» — так писал о Красной пещере швейцарский естествоиспытатель Дюбуа де Монперс. И вот спустя полтора века мы снова у входа в легендарную Кызыл-Кобу.

Караби-Яйла, Чатыр-Даг, Ай-Петри... Часами можно идти по каменным пустыням крымских нагорий, слыша лишь звон ветра в колочках. Кажется, нет конца и края белесому, изрытому оврагами и воронками известняковому плато. Кажется, все живое погибло здесь от жажды тысячи лет назад. Но ведь только вчера был дождь. Долгий и шумный, сповно над Крымом опрокинулся исплинский ушат. Где эта вода!

В россыпях камней, на дне воронок можно увидеть едва заметные трещины, а то и бездонные провалы. Наклонись — и в лицо дохнет таинственным подземным холодом. Бросишь камень — и он полетит, отскакивая от стен, удары будут звучать все глуше и наконец замрут. Сюда-то и исчезает вода. Только через несколько суток, пройдя полуклометровый слой известняков, родником выйдет она на поверхность, давая начало рекам.

Год за годом точит вода гипс, каменную соль, известняк. «Вода камень точит», — говорим мы. «Карстовые явления», — определяют ученые.

Прихотливые фуги сталактитов и сталагмитов в подземных дворцах — это, так сказать, лишь эстетический итог карстовых явлений. Но человечество знает и другое: тысячетонные волны под гигантским давлением, смывая оборудование и крепь, врываются в шах-

ТАМ, НАД НАМИ,

ты, ладали подмытые плотины. Это все карстовые явления.

Однако силы природы могут стать и союзником человека. В полостях пещер, сповно в каменных машках, из века в век накапливаются полезные ископаемые. Пещеры можно использовать как хранилища воды, нефти, газа. Поэтому и спускаются вниз, в карстовые подземелья, исследователи пещер — спелеологи.

Целыми неделями, на видя дневного света, идут спелеологи вслед за водой, карабкаются на отвесные стены пропастей, покрытые скользкими налетами майдмипьха — «лунного мопока»; в тяжелых гидрокостюмах бродят по ледяной воде, остаиваются под сводами гигантских обвальных залов, где каждый шорох отдается многократно усиленным гулом. Одна за другой сдаются спелеологам недоступные пещеры. Ложатся на бумагу русла подземных рек.

Борис Николаевич Иванов, начальник сектора карстологии и сейсей научно-исследовательского института минеральных ресурсов в Симферополе, рассказывал мне: «Данные, полученные спелеологами, дают возможность ловить падающую воду и по тоннелям подавать их на безводный берег Южного Крыма. Такой опыт уже проведен. По девятисотметровому тоннелю вода двух карстовых источников самотеком поступает в Ялту».

В кабинете Иванова я познакомился с ученым-карстоведом Викгором Николаевичем Дубляским.

А уже через несколько часов наша экспедиция остановилась у входа в Красную пещеру...

И. ЦИБУЛЬСКИЙ,
специальный корреспондент
«Кругозора»

Фото Ю. Зеленина (Ялта).

ЗЕМЛЯ

НЕСЯ ДЫХАНИЕ ВОЛНЫ

И. Сельвинский.
Рисунок В. Высоцкого,
художника
газеты
«Вперед, за Родину».
Северо-Кавказский фронт.
10.XI.43 г.

В апреле 1967 года корреспонденты «Кругозора» приехали в Передельно на дачу к Илье Львовичу Сельвинскому. Мы привезли ему две записи, которые только что удалось разписать: читали свои стихи Багрицкий и Утин. Они были почти сверстниками. Эти три поэта, и Сельвинскому было что рассказать о тех двух, которые остались моложе его... Сельвинский придвинул к себе микрофон: «Эдуард Багрицкий... Что характерно для его поэзии? Огромная стихийная сила революции, вдохнувшая жизнь в его стихи и сделавшая их эпохальными... Имя Утина так же неотделимо от советской поэзии, как имена Фета и Полонского неотделимы от поэзии 19-го столетия...» В тот же день мы договорились с Сельвинским о новой встрече для записи его стихов.

4

Мы приехали через неделю, погода уже установилась, и микрофоны поставили на террасе. Были закрыты дверь и окна, чтобы не мешали посторонние шумы. Сельвинский сам прерывал чтение, когда пролетал самолет, но все-таки на пление остались птичьего голоса и временами слышится далекий гудок поезда. «Вот она, моя тихая пристань. Берег письменного стола...» Когда-то Сельвинский читал мастерски, отлично владел своим голосом. Но тут голос ему не совсем поддавался, некоторые стихи он «брал» со второго или даже третьего раза. Жена стояла рядом. Когда получалось «наи тогда», то есть как помнил он и как помнила она, кивала головой. Потом мы пошли и машине, оператор перемотал пленку. Сельвинский прослушал всю запись от начала до конца и, казалось, остался доволен.

Владимир ОГНЕВ

Он умер недавно, в 1968 году. За этой чертой была жизнь, полная приключений, азарта, полка. Поэт Илья Сельвинский жил — как боролся и брался со своим любимым Черным морем, на котором вырос, о котором много писал... Гимназистом плавал он на шхуне «Саятой апостол Павел», потом записался в красногвардейский отряд, и скакал по степям, и прятался в плавнях от бандитов, сидел в Севастополе в тюрьме при англо-французской оккупации Крыма. А когда утвердился Советская власть, путешествовал по Северу, продирался через торосы с легендарной экспедицией О. Ю. Шмидта (когда затонул «Челюскин»), охотился на белых медведей и уссурийских тигров, был натуращиком, грузчиком, репортером, выступал в цирке как борец, учил плавать, консервировал фрукты, делал электротрамочки на московском заводе... И учился. Много читал, закончил юридический факультет университета. И писал. Писал стихи, поэмы, трагедии...

Крупный советский поэт, друг Багрицкого и Луговского, в двадцатые годы он возглавил литературное течение «конструктивистов». На домашних собраниях своих «диноверцев» Сельвинский являл «железную» дисциплину. Вера Инбер с юмором вспоминала потом, как их творчество подравнивалось под заданный ранжир, схему. Но молодые талантливые люди — в «конструктивистах» ходили Багрицкий, Луговской, Габрилович — творчеством своим, как царевич Гвидон, пробили крышку бочки... Нельзя сказать, что поиски их не принесли никакой пользы. Ставка «конструктивистов» на увеличение «грузоподъемности» поэзии, на смысловую «доминанту», иначе говоря, была борьбой за содержательность поэтической строки, хотя в целом группа «конструктивистов» не поднялась до стили и мироощущения эпохи. Маяковский, не раз подтрунивавший над Сельвинским, понимал, что Сельвинский — серьезный поэт, враг банальности и общих мест.

До войны я знал имя Сельвинского, но не его стихов. Впервые же услышал его стихотворение «Я это видел» — страшное стихотворение о немецко-фашистских зверствах под Керчью — на Южном фронте в 1942 году.

Я тогда был рядовым, Сельвинский — подработником, военным корреспондентом. И только после войны узнал, что мы много раз могли в те годы встретиться на фронте — в Новоросийске, под Керчью, на переправе...

А встретились в Литературном институте, куда Сельвинский заходил по старой памяти. К тому времени поэт уже не преподавал, но его ученики по-прежнему ходили в Лаврушинский переулок, где в кабинете, заставленном книгами, лежали полупудовые гантели и огромная тихоокеанская раковина...

Мне часто приходилось бывать у Сельвинского. Мы подружались. Когда Илья Львович болел, мы переписывались. Он писал письма четким, немного заливчатским почерком, крупно и размашисто. Он то гневался, спорил, то трогательно и заботливо спрашивал о близких. Обид он не забывал, но был широк душой, по-детски доверчив, не мелочен.

Мне хочется познакомить читателей «Кругозора» с отрывком одного интервью, которое осталось ненапечатанным. Сельвинский прислал мне его, а потом надолго слег в больницу. «...Одну из главных задач, стоящих перед нашей страной, партия видит в решительном подъеме культуры. Действительно: коммунизм и бескультура — вещи несовместимые. Однако речь идет не о подъеме вообще: коммунистическая культура обладает особыми чертами». И далее Сельвинский продолжает: «Программа партии говорит о новой культуре в будущем времени: «воплотит». Здесь имеются в виду миллионы людей. Но были в истории революции гиганты, которые уже воплотили в себе всю полноту культуры новой эры. Такой гигант — Ленин. О нем-то я и хочу писать». «Я задумал трилогию о Ленине, — писал далее поэт. — Часть 1 — «Ленин в Швейцарии» (зрелость Ильича), часть 2 — «Человек выше своей судьбы» (смерть Ленина) и часть 3 — «Трагедия мира». Две последние части уже написаны. Что насасает первой части, то для нее необходимо посетить Швейцарию, но последнего инфаркта пока не дают этой возможности. Все же, как говорили эллины, «надежда покидает человека последней». Надеюсь, что выздоровев, поеду, напишу».

Но болезнь оказалась сильнее надежды. Не только гантели —

пишущая машинка, которую он хотел переставить на другое место, стала слишком тяжелой...

Леникиана осталась незавершенной.

На осиротевшем просторном столе, который теперь стал мне казаться особенно огромным, лежит тихоокеанская раковина. Если приложить ее к уху — слышен океан.

И я вспоминаю строки Сельвинского:

Бывают строфы из жемчужин,
Но их недолго мы храним:
Тогда лишь стих народу
иужен.

Когда и дышит вместе с ним!

Поэзия! Ты — служба крови!
Так перелей себя в других
Во имя жизни и здоровья
Твоих сограждан дорогих.

Пусть им грезится победа
В пылу труда, в дыму войны.
И ходит в жилах мощь поэта,
Неся дыхание волны.

Илья СЕЛЬВИНСКИЙ

России

Взлетел расщепленный вагон
Пожары... Беженцы босые...
И снова по уши в огонь
Вплываем мы с тобой, Россия.
Опять судьба из боя в бой
Дымком затянется, как тайна, —
Но в час большого испытания
Мне крикнуть хочется: «Я твой!»

Я твой. Я вижу сны твои,
Я жизнью за тебя в ответе!
Твоя волна в моей крови,
В моей груди не твой ли ветер?
Гордись тобой или скорбя,
Полуседой, но с чувством
ранним

Люблю тебя, люблю тебя
Всем пламенем и всем
дыханьем.

Люблю, Россия, твой пейзаж:
Твои курганы печенежьи,

Стамухи белых побережий,
Оранжевый на синем пляж,
Кровавый мех лесной зари,
Олений бой, тюлений игри,
И в кедраче над Усури
Шамаискую личину тигра.

Люблю, Россия, птиц твоих:
Военный строй в гусином стае,
Под небом сокола стойкие
В размахе крыльев боевых,
И писк луны среди жнивья
В очарованье лунной ночи,
И на невероятной ноте
Самоубийство соловья.

Ну, а красавицы твои?
А жемчужны твои, Россия?
Какая песня в них взрастала
Самозабвение любви?
О, их любовь не полубыт,
Всегда событие! Вечно мета!
Россия... За одно за это
Тебя нельзя не полюбить.

Люблю стихию наших масс:
Крестьянство с философской
хваткой,

Станнну нашего порядка —
Передовой рабочий класс,
И выношенную в бою
Интеллигенцию мою —
Все общество, где мир впервые
Решил вопросы вековые.

Люблю великий наш простор,
Что отражен не только в поле,
Но в революционной воле
Себя по-русски распростер:
От декабриста в эполатех
До коммуниста Октября
Россия значилась в поэтах,
Планету заново творя.

И стал вождем огромный край
От Колымы и до Непрядвы.
Так пусть гадит над нами грей,
Черня привычною неправдой,
Но мы мостим прямую гать
Через всемирную трясину,
И ныне воспринять Россию —
Не человечество ль принять?

Какие ж трусы и вранли
О нашей гибели судачат?
Убить Россию — это значит
Отнять надежду у Земли.
В удущье денежного века,
Где низость смотрит свысока,
Мы окрыляем человека,
Открыв грядущие века.

Неустршимый разведчик Клосс держал телезрителей целых восемнадцать вечеров по домам: шел польский фильм «Ставка больше, чем жизнь». Кто был на самом деле Ганс Клосс, мы теперь знаем. А кто актер, исполнявший эту роль?

Он так быстро продвигается по лестнице военных званий, что представить себе невозможно, с какими нашивками встретишь его завтра. Судите сами: повстанец Смулка, партизан Михал, поручик Янак, капитан, впрочем, теперь, кажется, майор Клосс...

Станиславу Микульскому к лицу не только военная форма: в варшавском театре «Польские» он

играет в «Учителе танцев», «Сиде», «Трехгрошовой опере», «Макбете», «Коварстве и любви». И все же основное амплуа Микульского — военный человек. Пожалуй, в сегодняшней Польше это один из самых известных людей в защитной форме. Он снимался в двадцати фильмах (в частности, в знаменитом «Канале») и почти всегда играл военных. Трижды получал приз самого популярного телевизионного актера года, а за исполнение роли Ганса Клосса его премировал министр национальной обороны. Да и артистическая биография этого актера началась не в театре — в военном ансамбле песни и пляски.

И вот еще штрих: когда в Колобжеге устроили фестиваль военной песни, ведущим пригласили, конечно, Станислава Микульского. Здесь он и спел песню «Было такое время» — на музыку из фильма «Ставка больше, чем жизнь». Итак, на одиннадцатой звуковой странице поет Станислав Микульский.

С. ЧЕКРЫГИНА

На фото: кадр из фильма «Ставка больше, чем жизнь»; Станислав Микульский.

**КТО
ОН ТАКОЙ**

К 225-й ГОДОВЩИНЕ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПЕРВОГО РУССКОГО КОМПОЗИТОРА

В жизни Мансима Березовского все загадочно, все волнует и все наводит на мысль, что история по вечной своей невнимательности к не успевшим при жизни прославиться людям скрывает от нас одну из самых величественных драм русской музыки. Писатели — от Нестора Кукольника до наших дней — четырежды пытались в романтической прозе воссоздать образ Березовского.

НЕ ОТВЕРЖИ МЕНЕ В СТАРОСТИ

22-го числа, во вторник, ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАЕ
ВКЛЮЧИТЕЛЬНО: въ домное училище состояла концерт,
въ которой присутствовало 25-ти музыканты и их отцов
присутствовали музыка на трубах се. лютня и вио-
лончель. А поспешив въ обывательские притон и на-
стоя выслушать въ итальянскую оперу и забавляться въ
театре, а въ те время, вся прима, ирадарными ав-
точа пять был концерт, симфонический музыкантов
Березовский. Пилотъ интересе название ЕЯ ИМПЕ-
РАТОРСКОЕ изволив стать въ 24-мъ парфюль.

Запись в камер-фурьерском журнале за
август 1766 г.

Но сегодня разгадку этого человека можно искать только в его музыке.

Три экзамена держала музыка Мансима Березовского.

О первом мы находим известие в церемониальном камер-фурьерском журнале, где день за днем описывалась жизнь двора. Мысленно слышим мы этих певчих под сводами Зимнего. «Такого величественного хора я никогда не слышал в Италии» — изумлялся, приехав в Петербург, композитор Галуини.

Упоминание имени 20-летнего композитора — исключительный случай для церемониального журнала. Очевидно, концерт Березовского выдержал «пробу». Сам он в это время учился в Италии. Здесь он держал свой второй, очень трудный эк-

замен — на звание члена Волонской музыкальной академии. (В один день с чехом Йосефом Мылшечком и восемь месяцев спустя после Моцарта.) Легко представить себе, как были шокированы академики: в работе русского — четырехголоском хоре на заданную тему — было всего 16 тактов! Только очень уверенный в своем мастерстве человек мог решиться на такую дерзость... И только выдающийся композитор мог покорить 16 тактами знатоков контрапункта. Новая комета появилась на музыкальном небосклоне, усеянном блестящими звездами итальянских имен.

И, как комета, погасла слава Березовского... После большого успеха оперы «Демофонт» Березовский возвращается в Петербург. И тут его, академика и капельмейстера, делают заштатным певчим. Два года бился Березовский, погибал, «измученный жаждой творчества и славы», как писал один его биограф. В это время во Франции неохотно признавали французскую музыку, в России — русскую. Музыкальный мир находился под гипнозом искусства итальянцев. Березовский же писал русскую музыку, используя многовековые традиции «ангелоподобного пения ирядного» и достижения современной ему «ученой» музыки. Опера-комик («опера-калмык» — забавно ошибся один переписчик тех времен) овладевала сценами; некий г-н Каноби за 1000 рублей обучал на

гитаре трех великих князей; по гостиним из рук в руки передавали сборники чувствительных песенок вроде «Для товоля я в дни разлуки здесь страдала без тебя?».

А в это время униженный и оскорбленный Березовский писал ночами хор на слова: «Не отвержи мене во время старости»... Немного красок в его палитре; его музыка не живопись, а графика. И от глухого, больно сдерживаемого моления перед судьбой срывается он вдруг в грозный крик: «Да постыдятся! Да постыдятся! Да постыдятся и исчезнут оклеветавшие душу мою!» Он писал с той суровой строгостью, с той драматичной силой страдания за судьбу свою и судьбу человеческую, которая годы спустя скажется в строчках Радищева, Некрасова, Достоевского, Толстого. Но то, кто вкладывает в искусство такую страсть, не может не поплатиться. Березовский не выдержал душевных мучений. Действительность, далекая от искусства, победила его искусство. 32-летний композитор покончил с собой.

История русской музыки началась с высокой и тревожной ноты, за которую платят жизнью: «Да постыдятся! Да постыдятся и исчезнут!»

...А музыка Березовского тем временем вышла на третий, самый дождливый зимамен — зимамен столетий. Но все трудно в судьбе этого человека. Хоры его исполнялись анонимно. Пушкин, узнав, что автор поразительней его музыки — Березовский, удивился: «А я думал, что это музыка Бортнянского или народные напевы...» От композитора не осталось ни письма, ни портрета, ничего, только немного музыки. И все-таки в наши дни известность его растет, словно нарастание звука в искусственном хоре. Вслушайтесь в эту музыку, ясную и строгую, и в вашем сознании навсегда отметится имя Березовского, имя, принадлежащее двум векам — восемнадцатому и двадцатому.

Симон СОЛОВЕЙЧИК

Фото В. Хоменко

Восьмая звуковая страница.

Зимний дворец в Санкт-Петербурге.
Гравюра XVIII в.

10 (79) октябрь 1970

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ

год основания — 1964

ИЗДАТЕЛЬ:
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КОМИТЕТ СОВЕТА
МИНИСТРОВ СССР
ПО ТЕЛЕВИДЕНИЮ
И РАДИОВЕЩАНИЮ

На первой странице
обложки:
«Юность».

Рисунок заслуженного
деятели искусства
Литовской ССР
Стасиса Красаускаса.

Режиссер
Н. П. Субботин
Художник
А. Г. Луцкий
Техн. редактор
Л. Е. Петрова

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ

Адрес редакции:
Москва, ул. академика
Королева, 12.
Телефоны редакции:
181-79-53, 181-79-48.

Сдано в набор
27/VIII-70 г.
В 04086. Подп. и печ.
21/IX 1970 г.
Формат
бумаги 84×108^{1/2}.
Усл. п. л. 1,68
Уч.-изд. л. 1,4
Тираж 350 000 экз.
Зак. 2447. Цена 1 руб.

Орденя Ленина
типографии
газеты «Правда»
имени В. И. Ленина.
Москва, А-47,
ул. «Правды», 24.

1. «Улица имени Первых». Песня-репортаж Б. Влхчука. Говорят первостроители Комсомола.

2. «Полушнно поле». Думы о человеке и земле.

3. «Ключи от Красной пещеры». Наш репортер — в экспедиции спелеологов.

4. Илья Сельвинский. Стихи разных лет.

5. Страница гражданской лирики. В. Баснер, М. Матусовский. «Зеленая ракета»; В. Тёмнов, В. Бутенко. «Самое главное». Исп. П. Кравецкий и Г. Ненашева.

6. А. Пахмутова представляет свои новые песни: «Дилижан» (сл. Н. Добронравова), «Юрмада» (сл. Р. Рождественского). Исп. Э. Хиль и квартет «Улыбка».

7. Репетиция в Паневежисе. На сцене Ю. Мильтинис, Д. Базионис, Б. Бабнаускас.

8. Эхо XVIII века. Фрагменты концерта Маисима Березовского «Не отвержи мене во время старости». Исп. русская хорровая капелла п/у А. Юрлова.

9. Первый оттиск. Лирические премьеры. Я. Дубравин, В. Жук. «Осень»; О. Фельцман, М. Кохановский. «Возращение романса». Исп. М. Пахоменко и М. Магомаев.

10. Танцевальные ритмы. 11. Мелодии с фестиваля польской военной песни. Поют Станислав Минульский и Дана Лерска.

12. Эстрада планеты. Энгельберт Хампердинк (Англия). Три баллады о любви.

Звуковые страницы
подготовлены Всесоюзной
студией грамзаписи
фирмы «Мелодия»
и Государственным Домом
радиовещания и звукозаписи

Тысячи
листьев-солнц
летят,
летят
на землю...

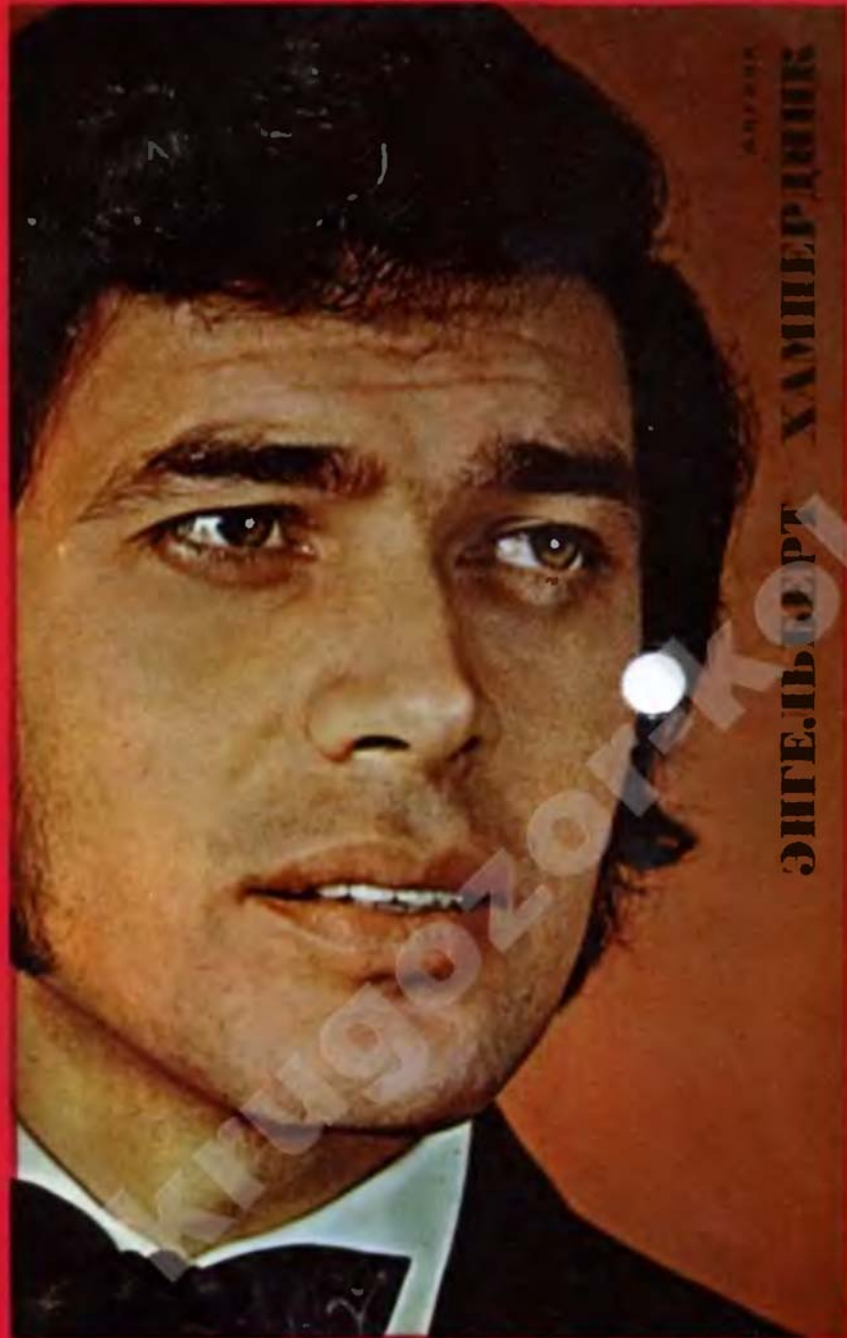
Посвяные премьеры: «Осень», «Возвращение ромаса»

9

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИСТОРИИ

Фото Л. Лазарева
Рисунки Е. Шабельника

ЭНГЕЛЬБЕРТ ХАМПЕРДИНН

ЭСТРАДА ПЛАНЕТЫ

12

Судьба популярного английского певца Энгельберта Хампердинна необычна. Уже само это имя, впервые появившись на эришах в середине 60-х годов, ассоциировалось у публики не с эстрадным певцом, а с известным немецким композитором, умершим в 1921 году.

Место рождения Хампердинна — Индия.

Необычно и то, что он добился признания уже в зрелом возрасте (сейчас Хампердинну 34 года).

Хампердинн родился в большой семье (7 сестер и 2 брата). Он начал самостоятельную жизнь, работая техником на фабрике. По вечерам пел во второстепенных клубах, но дела шли настолько плохо, что, когда у него родился второй ребенок, он должен был встать в очередь за пособием. Только в 1958 году получил первое приглашение записаться на грампластинку и тогда же дебютировал на телевидении. Начавшуюся было карьеру прервал несчастный случай, почти на год приковавший его к постели. Вернувшись на эстраду, он обнаружил, что совершенно забыт. Хампердинн — тогда еще Джерри Дорси — был блемом и отчаянью. Один из приятелей и посоветовал взять в качестве псевдонима звучную фамилию популярного композитора.

В 1966 году Хампердинн пел на международном конкурсе эстрадных певцов в Бельгии. Сразу же после выступления певца забросали предложениями. В следующем году он выпустил пластинку с записью песни «Позволь мне уйти», которая поиравилась публике.

О чем же и что поет Хампердинн?.. Это английские и шотландские народные песни, новбоиские мелодии и баллады о любви, которые больше всего удаются певцу и определяют его успех у публики. В Англии появились даже клубы, объединяющие его поилонников в возрасте от 7 до 70.

Большинство критиков объясняет успех Хампердинна прежде всего необычайной тщательностью, с которой певец отбирает свой репертуар, обращая внимание не только на мелодию песни, но и на ее слова. «Я глубоко убежден, — говорит он, — что песня — это неразделимый сплав слов и мелодии, только тогда она становится значимой».

Валерий КРЫШКИН

Цена 1 руб.